
В. Ф. Одоевский. Сочинения в двух томах.
Том первый. Русские ночи. Статьи
М., "Художественная литература", 1981
Вступительная статья, составление и комментарии В. Я. Сахарова
ОСР Бычков М.Н.

"Библиотека - великолепное кладбище человеческих мыслей... На иной могиле люди приходят в беснование; из других исходит свет, днем для глаза нестерпимый; но сколько забытых могил, сколько истин под слудом..." {Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее ОР ГПБ), ф. 539, оп. 1, пер. 30, л. 242.} Эти печальные слова своеобразнейшего русского писателя и философа Владимира Федоровича Одоевского (1803-1869) невольно вспоминаются при размышлениях о его собственной литературной и жизненной судьбе, слишком долго пребывавшей в забвении.

В 1834 году молодой Белинский писал об Одоевском: "Этот писатель еще не оценен у нас по достоинству" {В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 97.}. В конце жизни сам Одоевский оглянулся на пройденный путь и не без горечи заметил: "Моя история еще не написана" {"Литературное наследство", т. 22-24. М., 1935, с. 238.}. Несмотря на немалые успехи современных историков литературы, эти слова и по сей день остаются справедливыми. Полной истории жизни и творчества Одоевского пока нет, хотя публикации последних лет приближают нас к ней.

Жизнь и творчество Владимира Одоевского заставляют нас задуматься о литературной судьбе тех талантливых писателей, которые вместе с признанными гениями успешно совершенствовали русскую литературу и в немалой мере способствовали ее расцвету и игровой славе. Очевидно, что без этих даровитых людей наша литература была бы несравненно беднее. Пушкин, постоянно искавший союзников и единомышленников, сознавал это особенно отчетливо. В 1831 году А. И. Кошелев сообщил его отзыв Одоевскому: "Пушкин весьма доволен твоим "Квартетом Бетговена"... Он находил, что ты в этой пьесе доказал истину весьма для России радостную; а именно, что возникают у нас писатели, которые обещают стать наряду с прочими европейцами, выражающими мысли нашего века" {"Русская старина", 1904, К 4, С. 206.}.

В свою очередь, Одоевский мыслил русскую литературу как уникальный художественный организм, как галерею живых лиц, "замечательнейших организаций", участвующих в общей культурной работе. "Судьба лучших людей - корень Русского просвещения и литературной славы" {"Русская литература", 1969, К 4, с. 187.}, - говорил Одоевский, и это верно и в отношении его собственной судьбы, его роли в истории отечественной литературы. Самобытная личность Одоевского - одна из наиболее примечательных в галерее русских деятелей тех лет.

В портретной галерее деятелей пушкинской поры лицо Одоевского привлекает внимание спокойной энергией, ясным, твердым взглядом серо-голубых глаз, отразившейся в них напряженной работой глубокой самобытной мысли. Он не был бурным романтическим "гением", тонким мечтателем-лириком или же ироническим скептиком. Это именно русский мыслитель, деятельный всеобъемлющий ум, упрямо стремящийся к "воссоединению всех раздробленных частей знания". Таким пришел молодой Одоевский в отечественную литературу пушкинской поры, таким навсегда запечатлен он в ее истории.

Конечно, духовная биография этого мыслителя была сложна и долга, включала в себя почти полвека русской жизни, и Одоевский мог сказать о себе то же, что говорил он об одном из своих героев: "Три поколения прошли мимо него, и он понимал язык каждого". И надо отметить, что эпоха далеко не всегда была благодарна и внимательна к этому писателю, ученому и философу и проходила иногда мимо его книг и мыслей. Сам Одоевский это очень хорошо видел и следующим образом объяснил: "Обыкновенно думают, что от книг переходят мысли в общество. Так! Но только те, которые нравятся обществу; не нравящиеся обществу мысли падают незамеченными. Большею частью книги (кроме книг гениальных, весьма редко появляющихся) суть лишь термометр идей, уже находящихся в обществе" {"Русский архив", 1874, кн. II, стлб. 25.}.

Значит ли это, что "несвоевременные", не понравившиеся тогда обществу